

Громогласов И. М. Обзор русских журналов: Статьи по расколу и сектоведению за 1900 год // Богословский вестник 1901. Т. 1. № 4. С. 745–759 (2-я пагин.). (Окончание.)

ОБЗОРЪ РУССКИХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

1) Статьи по расколу и сектоведению за истекшій 1900 годъ ¹⁾.

Изъ исторіи православной противораскольнической полемики.— „Бродя духовная“.— „Разсудная книга для старообрядцевъ“.— Столѣтіе единовѣрія. — Статьи, касающіяся мистико-раціоналистическаго сектаитства. — Два слова объ одномъ писателѣ.

Къ числу еще далеко не въ достаточной степени разработанныхъ, но весьма важныхъ въ научномъ и практическомъ отношеніи отдѣловъ расколовѣдѣнія принадлежитъ исторія православной литературной полемики противъ раскола. О томъ, какое значеніе усвоится въ настоящее время этому средству борьбы съ названнымъ противоцерковнымъ заблужденіемъ, можно судить не только по обилію полемическихъ статей обрядово-догматическаго и каноническаго содержания, безусловно преобладающихъ численно въ текущей литературѣ о расколѣ надъ объективно-научнымъ, историко-бытовымъ его изученіемъ, но и по прямымъ заявленіямъ, исходящимъ отъ авторитетныхъ знатоковъ дѣла, что для ослабленія раскола нужно заботиться *особенно* о распространеніи въ средѣ его послѣдователей „хорошихъ“ противораскольническихъ сочиненій полемическаго характера (см. Душеп. Чт. за истекшій годъ, июнь, стр. 214—215). Но было бы совершенно ошибочно предположить, что сознаніе глубокой важности этого средства составляетъ заслугу лишь послѣднихъ десятилѣтій истекшаго вѣка, когда особенно за-

¹⁾ Окончаніе. См. „Богосл. Вѣстникъ“, февраль, стр. 363—372.

мѣтно стала умножаться литература противораскольнической полемики: сознание это было не чуждо православнымъ борцамъ противъ раскола съ самаго начала его существованія, хотя отъ нихъ мы имѣемъ сравнительно лишь очень небольшое число *печатныхъ* полемическихъ трудовъ. Последнее обстоятельство не означаетъ, однако, того, что и вообще количество сочиненій, написанныхъ старинными полемистами въ „обличеніе неправды раскольнической“, было столь же малочисленно. Дѣло въ томъ, что далеко не все, выходявшее изъ-подъ ихъ пера, становилось общимъ достояніемъ путемъ печати. Не малая часть произведеній этого рода, и при томъ такихъ, которыя могли бы представить въ настоящее время значительный интересъ по содержащимся въ нихъ фактическимъ указаніямъ или просто—какъ любопытный эпизодъ изъ исторіи православной противораскольнической полемики, осталась не обнародованною своевременно по тѣмъ или инымъ причинамъ,—хотя бы, напр., потому, что въ старыя времена еще не существовало специальныхъ и общихъ журналовъ, радушно открывающихъ свои страницы для полемическихъ трактатовъ современныхъ противораскольническихъ писателей. Сохраняясь въ теченіе долгаго времени въ видѣ какой-нибудь никому не вѣдомой и безпризорной рукописи, эти любопытные памятники литературной борьбы съ расколомъ подвергаются опасности утратиться навсегда, если заботливая рука современнаго изыскателя, отряхнувъ вѣковую пыль, не извлечетъ ихъ изъ забвенія на свѣтъ Божій. Обнародованіе такихъ произведеній, въ особенности — наиболѣе раннихъ, изданіе ихъ въ свѣтъ сполна или въ извлеченіяхъ, нельзя не признать дѣломъ вполне полезнымъ и желательнымъ: извѣстно, какъ много цѣнныхъ подробностей, проливающихъ свѣтъ на нѣкоторые темные вопросы изъ исторіи раскола и противораскольнической миссіи, содержатъ въ себѣ старинныя полемическія сочиненія, въ разное время изданныя на страницахъ „Братскаго Слова“. Прошлогдня журнальная литература знакомитъ насъ съ двумя интересными произведеніями этого рода. Одно изъ нихъ—„Брозда духовная“, неизданное противораскольническое сочиненіе, о которомъ сообщаются обстоятельныя свѣдѣнія въ статьѣ П. С. Смирнова, напечатанной въ „Христ. Чтеніи“ (за іюль и августъ). Названный

полемическіи памятникъ, заслуживающій вниманія уже по самой своей древности, дающей ему значеніе одного изъ раннѣйшихъ опытовъ литературной борьбы съ расколомъ, становится еще болѣе любопытнымъ въ виду того, что авторъ его — какъ устанавливаетъ въ своей статьѣ г. Смирновъ—былъ природный великороссъ и что „книга“ написана по личной инициативѣ ея творца. Чтобы оцѣнить значеніе указанныхъ обстоятельствъ, нужно припомнить, что первые опыты православной противораскольнической полемики вышли изъ-подъ пера пришлыхъ людей (архим. Діонисій, Пампій Лигаридъ, Симеонъ Полоцкій) и почти все обязаны своимъ происхожденіемъ официальному порученію. Не менѣе интересенъ названный памятникъ и со стороны своего содержания, такъ какъ ставитъ на разрѣшеніе вопросы въ большинствѣ совсѣмъ *новые*, не затронутые въ другихъ, близкихъ къ нему по времени полемическихъ сочиненіяхъ православныхъ писателей (напр. о раскольническомъ самоистребленіи, объ антихристѣ и концинѣ міра, о старописьменныхъ и старопечатныхъ книгахъ и пр.), или же освѣщаетъ съ новой стороны старые тезисы противораскольнической полемики, самостоятельно дополняя ихъ аргументацію и отличаясь значительною своеобразностью въ постановкѣ доказательствъ и въ изложеніи, примѣнительно къ уровню пониманія предполагаемыхъ читателей. Наконецъ, здѣсь встрѣчаются историческія указанія, частію пополняющія, частію лишній разъ подтверждающія то, что извѣстно изъ другихъ источниковъ. Все это даетъ „Бродѣ духовной“ полное право на вниманіе со стороны лицъ, занимающихся изученіемъ русскаго раскола, а г. Смирнову—на ихъ благодарность за ознакомленіе съ этимъ памятникомъ.

Другой, обнародованный гг. М. Успенскимъ и Т. Рождественскимъ на страницахъ рязанскаго „Миссіонерскаго Сборника“ (кн. 1—6) противораскольническо-полемическій опытъ прошлыхъ временъ обращаетъ на себя вниманіе уже самымъ своимъ заглавіемъ, нѣсколько страннымъ на первый взглядъ. Это — „Разсудная книга для старообрядцевъ, въ которой приспособительно къ ихъ понятіямъ говорится о любомудрїи, разсудной наукѣ и силлогизмахъ“, трудъ протопресвитера Іоанна Петровича Полубенскаго, основателя перваго противораскольническаго миссіонерскаго братства (подъ име-

немъ „приватной дружественной старообрядственной бесѣды“) и автора довольно многочисленныхъ сочиненій противъ раскола, оставшихся, впрочемъ, не изданными своевременно по намѣреніямъ самого ихъ составителя ¹⁾ или же не попавшихъ въ печать и даже затерявшихся по какому-то „смѣшному случаю“ и досадной неудачѣ. Этой послѣдней участи подвергались лучшія и наиболѣе обработанныя его произведенія, къ числу которыхъ принадлежитъ и „Разсудная книга“—одинъ изъ любопытнѣйшихъ памятниковъ литературной борьбы дѣятелей православной миссіи съ расколомъ въ началѣ истекшаго столѣтія. Долгое время остававшееся извѣстнымъ только по названію и считавшееся православными изслѣдователями утраченнымъ, быть можетъ, навсегда, произведеніе это было, наконецъ, найдено въ одномъ изъ рукописныхъ сборниковъ Воронежскаго губернскаго музея, составлявшемъ, нужно думать, собственность раскольниковъ,—обстоятельство, заслуживающее вниманіе и само по себѣ представляющее уже не малый интересъ. Послѣдній еще болѣе возрастаетъ благодаря своеобразному содержанію памятника, вполне заслуженно напечатаннаго издателями сполна, хотя при этомъ едва-ли была надобность воспроизводить и всѣ орфографическіе недостатки раскольничьей копіи, безъ сомнѣнія, вполне грамотнаго оригинала.

Въ ряду памятниковъ нашей противораскольнической полемики „Разсудная книга“ должна занять совершенно особенное мѣсто. Это не полемическій трактатъ обычнаго типа, съ частичнымъ опроверженіемъ извѣстныхъ раскольническихъ заблужденій ссылками на археологическія данныя и свидѣтельствами старопечатныхъ и старописьменныхъ книгъ. Такой приѣмъ противораскольнической полемики, упорно держащейся въ ней „даже до сего дне“, обязанъ своимъ существованіемъ тому убѣжденію, что для успешной борьбы съ расколомъ православному полемисту необходимо спуститься до умственнаго уровня своихъ оппонентовъ, стать вмѣстѣ съ ними на точку зрѣнія обрядовѣрія и буквализма и поражать противниковъ ихъ собственнымъ оружіемъ. Не споримъ, что подобный приѣмъ аргументаціи *ad hominem*

¹⁾ Часть этихъ сочиненій въ недавнее время издана въ „Братскомъ Словѣ“ (за 1886 и 1899 г.).

имѣеть свои права и можетъ быть не безъ успѣха примѣняемъ опытнымъ миссіонеромъ въ устномъ собесѣдованіи съ раскольниками, гдѣ нерѣдко требуется быстрая находчивость и умѣнье произвести непосредственное впечатлѣніе на слушателей; но постоянное и почти исключительное примѣненіе его въ литературной полемикѣ съ расколомъ, гдѣ на первомъ планѣ должна стоять ничѣмъ не побѣждаемая объективная убѣдительность доводовъ, представляетъ, на нашъ взглядъ, большое недоразумѣніе и ошибку, унаслѣдованную отъ старыхъ временъ. Православный полемистъ противъ раскола не долженъ поддаваться соблазнамъ мимолетнаго успѣха, памятуя слова св. Григорія Богослова: „не побѣдити ищемъ, но привзяти братію, ихъ-же о разлученіи болимъ“. Между тѣмъ, всякая приспособительная аргументація въ лучшемъ случаѣ ведетъ лишь къ внѣшнему, кажущемуся соглашенію путемъ вынужденной уступки съ одной стороны, а отнюдь не къ установленію дѣйствительнаго единомыслія между собесѣдниками. Какъ бы ни блестящею казалась по своему непосредственному результату одержанная этимъ способомъ побѣда, достаточно самаго мелкаго археологическаго указанія или одной не замѣченной прежде строки въ старопечатной книгѣ, чтобы опрокинуть всю силу такой аргументаціи и превратить въ полное поражение почти уже достигнутое торжество. Для того, чтобы это послѣднее стало дѣйствительнымъ и прочнымъ, нужно совершенно устранить ту внутреннюю рознь, которая дотолѣ мѣшала одинаковости взглядовъ и мнѣній; а это возможно лишь въ томъ случаѣ, если спорившія стороны окажутся въ состояніи не только одинаково искренно искать истины, но и идти къ ней однимъ и тѣмъ же путемъ. И тотъ, кто уже твердо стоитъ на немъ, конечно, дѣлаетъ большую ошибку, начиная въ угоду своему спутнику колесить по болотной трясины или дремучему лѣсу вмѣсто того, чтобы убѣдить его держаться прямой и вѣрной дороги. Вотъ этой-то ошибки, не рѣдкой у современныхъ намъ полемистовъ противъ раскола, съумѣвъ избѣжать почти сто лѣтъ тому назадъ авторъ разсматриваемаго нами труда. Въ его произведеніи мы имѣемъ замѣчательную для своего времени попытку подойти съ совершенно новой стороны къ рѣшенію давнишняго спора,—устранить коренную рознь самыхъ пріемовъ мыш-

ленія, мѣшающую раскольникамъ стать на одну точку зрѣнія съ ихъ православными оппонентами и признать убѣдительную силу ихъ доказательствъ. „Разсудная книга“ протопресвитера Полубенскаго—это не что иное, какъ *логика* для старообрядцевъ, которая должна побѣдить ихъ предубѣжденіе противъ философіи, дать понятіе о „силлогизмахъ истинныхъ и ложныхъ, сирѣчь софизмахъ“ и научить правильному примѣненію мышленія къ уясненію вопросовъ вѣры. Не трудно понять ту основную руководящую мысль, которая побудила приснопамятнаго дѣятеля православной миссіи выступить предъ старообрядцами пропагандистомъ „праваго любомудрія“ и учителемъ „разсудной науки“. Очевидно, онъ не былъ сторонникомъ тѣхъ шаблонныхъ приемовъ противораскольнической апологетики и полемики, при которыхъ аргументація защитниковъ православія низводится до уровня раскольническаго буквализма. Успѣхъ дорогого ему дѣла онъ хотѣлъ построить не на сомнительной доброкачественности приспособительныхъ доказательствъ, а на перевоспитаніи той умственной среды, на которую ему приходилось дѣйствовать. Возвысить ее до своего умственного уровня онъ признавалъ болѣе цѣлесообразнымъ, чѣмъ принижаться самому до ея умственного роста. Установить *такое* единство въ приемахъ мышленія о предметахъ взаимнаго разногласія ему казалось наиболѣе надежнымъ средствомъ къ тому, чтобы привести затѣмъ старообрядцевъ и въ „общую вселенской церкви мысль“. Не даромъ онъ поставилъ эпиграфомъ своей „книги“ слова св. Златоуста: „поймъ ты отъ философіи сея пресвитерь удобъ уврачуешь“.

Само собою понятно, что выполненіе указанной задачи представляло не малыя трудности уже по самой новизнѣ предпринятаго дѣла. Не удивительно поэтому, что единственная въ своемъ родѣ попытка дать въ „Разсудной книгѣ“ логику для старообрядцевъ оказалась, по справедливому замѣчанію издателей этого памятника, не вполне удачной. При всемъ своемъ стараніи сообщить читателямъ представленіе о наукѣ, „соразмѣрное понятіямъ старообрядцевъ“, выяснять раскрываемыя положенія на примѣрахъ, заимствованныхъ изъ хорошо извѣстныхъ старообрядцамъ и ими излюбленныхъ старопечатныхъ книгъ, и упростить изложеніе путемъ перевода на русскій языкъ философскихъ тер-

миновъ (напр. „преестествословіе“ вм. метафизика, „мірословіе“ вм. космологія и т. п.), авторъ принужденъ все-таки сознаться, что нѣкоторыя философскія понятія „изъяснить не очень удобно“ (см. предисл. къ изд., — „М. Сб.“ кн. 1, стр. 43). Тѣмъ не менѣе его трудъ заслуживаетъ полнаго вниманія не только какъ любопытный памятникъ русской философской мысли, безъ сомнѣнія, отразившій на себѣ черты школьной постановки философскаго преподаванія въ началѣ истекшаго вѣка, но и какъ замѣчательный опытъ построенія противораскольнической полемики на совершенно особыхъ началахъ. Стараясь быть доступнымъ и удобопріемлемымъ для старообрядцевъ по внѣшней формѣ своего изложенія, авторъ хочетъ вести ихъ къ познанію своихъ заблужденій и къ признанію православной истины надежнымъ и вѣрнымъ путемъ, устраняя ту умственную рознь, которая всего болѣе препятствуетъ взаимному пониманію и единомыслію. Здѣсь уже сказывается, хотя еще односторонне и не полно, та доселѣ не достаточно ясно сознаваемая истина, что коренную и существенную причину религіознаго разномыслія въ русскомъ обществѣ составляютъ не мелкія обрядовыя отличія, а глубокая культурная рознь. При такомъ взглядѣ на разсматриваемое произведеніе мы исполнѣ раздѣляемъ взглядъ его почтенныхъ издателей, что „Разсудная книга для старообрядцевъ“ представляетъ собою „выдающійся полемическій трудъ, весьма полезный и въ настоящее время для дѣятелей миссіи въ ихъ борьбѣ съ расколомъ“¹⁾.

Отъ исторіи православной противораскольнической полемики переходимъ къ тому, что не безъ основанія можно считать однимъ изъ наиболѣе отрадныхъ результатовъ, достигнутыхъ постепеннымъ уясненіемъ взаимныхъ отношеній между православіемъ и расколомъ: разумѣмъ *единовѣріе*, праздновавшее въ истекшемъ году свой вѣковой юбилей. Празднованіе это было приурочено къ 27 октября, когда исполнилось ровно сто лѣтъ со времени утвержденія императоромъ Павломъ I извѣстныхъ пунктовъ условнаго возсоединенія московскихъ раскольниковъ съ православною церковью, съ замѣчаніями на нихъ митропо-

¹⁾ Считаемо не излишнимъ отмѣтить, что по напечатаніи въ журналѣ „Разсудная книга“ выпущена и отдѣльнымъ изданіемъ, Рязань 1900.

лита Платона. Фактически такое воссоединеніе началось, какъ извѣстно, значительно раньше (почти на цѣлыхъ два десятка лѣтъ); но до времени изданія означенныхъ „пунктовъ“ мы имѣемъ дѣло лишь съ частными случаями, для которыхъ еще не существовало общей, законодательно-установленной нормы. Такою именно нормою, установившею общія условія воссоединенія старообрядцевъ съ православною церковью, стали для послѣдующаго времени „пункты“ 1800 г., получившіе значеніе и (въ обычномъ словоупотребленіи) наименованіе *правилъ* единовѣрія. Они, такимъ образомъ, отмѣчаютъ собою извѣстный формально-юридическій моментъ, начинать съ котораго всю исторію „православнаго старообрядчества“ (какъ — не совсѣмъ удачно, на нашъ взглядъ— предложено впредь именовать единовѣріе въ одномъ спеціальному журналѣ) можно только съ нѣкоторой оговоркой. Уже по этому можно отчасти судить, насколько ошибочно возводятъ иногда къ этимъ правиламъ „все хорошее и все дурное, кому что желательно видѣть въ единовѣрїи“. Еще яснѣе это открывается при свѣтѣ тѣхъ данныхъ, какія сообщаются въ интересной и содержательной юбилейной статьѣ г. М. Чельцова: „Единовѣріе за время столѣтняго существованія его въ русской церкви“ (Мисс. Обзор., май—ноябрь). Выясненію дѣйствительнаго значенія занимающихъ насъ „правилъ“ въ установленіи существенныхъ основъ единовѣрія посвящена 1 глава названной статьи. Путемъ тщательнаго сопоставленія „пунктовъ“ 1800 г. съ документами изъ архива Св. Синода, имѣющими отношеніе къ болѣе раннимъ случаямъ условнаго воссоединенія старообрядцевъ съ православною церковью, авторъ приходитъ къ выводу, что „правила единовѣрія 1800 года, объединяя содержащихъ ихъ старообрядцевъ въ одно самостоятельное общество съ опредѣленнымъ наименованіемъ, объединяя чрезъ извѣстные, для всѣхъ нихъ обязательные пункты условнаго соединенія ихъ съ православною церковью, *въ содержанїи единовѣрія новаго привнесли очень немного*“ сравнительно съ тѣмъ, какъ оно опредѣлилось еще въ XVIII столѣтїи, съ одной стороны—чрезъ условія, предложенныя самими старообрядцами, съ другой — чрезъ замѣчанія на нихъ и чрезъ ограниченіе ихъ отъ духовной власти. При такомъ выводѣ сами собою устраниаются нѣкоторыя нареканія на единовѣ-

ріе, вытекающія изъ представленія о немъ, какъ о „казенномъ“ дѣлѣ, задуманномъ м. Платономъ и введенномъ въ жизнь императорскимъ „быть по сему“, вопреки желаніямъ высшаго органа русской церковной власти — Св. Синода и въ противоположность прежнему свободному „согласію“, носившему въ себѣ задатки плодотворнаго развитія: „не въ противоположность и, слѣд., отрицаніе первымъ послѣдняго, а вполне естественно, генетически выродилось единовѣріе изъ согласія; а потому какія условія и къ чему, т. е. къ процвѣтанію или увяданію, заложены были въ первомъ, такія, естественно, должны были проявиться и во второмъ“. Это проявленіе благодѣтельныхъ и жизнеспособныхъ началъ, намѣченныхъ въ раннихъ фактахъ „согласія“ и закрѣпленныхъ въ „правилахъ“ 1800 г., авторъ и отмѣчаетъ въ дальнѣйшихъ отдѣлахъ своей статьи, излагающихъ важнѣйшіе моменты внѣшней и внутренней жизни единовѣрія за истекшій вѣковой періодъ. На ряду съ этимъ онъ заботливо останавливается на выясненіи самой сущности единовѣрія, столь превратно понимаемой иногда не одними только раскольниками. Вопреки мнѣнію послѣднихъ, подозрѣвающихъ въ единовѣрїи коварную „ловушку“ никоніанства, и ошибочнымъ сужденіямъ нѣкоторыхъ изъ православныхъ, склонныхъ усматривать въ немъ лишь удобный „мостъ для перехода“ или „ступень“ отъ раскола къ православію, онъ рядомъ убѣдительныхъ свидѣтельствъ доказываетъ, что дѣйствительнымъ и исконнымъ взглядомъ православной церкви на единовѣріе былъ тотъ, который нашелъ себѣ выраженіе въ извѣстномъ опредѣленіи собора русскихъ архипастырей, бывшаго въ Казани въ 1885 г.,—именно, что единовѣріе не представляетъ собою какого-либо особаго, отличнаго отъ православія исповѣданія, а составляетъ единую съ нимъ истинную Христову церковь. — Въ общемъ, статья г. Чельцова должна быть отмѣчена, какъ достойный вниманія и полезный вкладъ въ литературу своего предмета.

Размѣры настоящаго „обзора“, грозящаго переступить преднамѣченную для него норму, заставляють насъ ограничиться лишь немногими и самыми краткими замѣчаніями относительно прошлогоднихъ статей, касающихся *мистико-раціоналистическаго сектанства*. Изъ нихъ мы не можемъ не указать на небольшой, но весьма содержательный очеркъ там-

бовскаго окружнаго миссіонера, свящ. В. Реморова: „Вѣро-правоученіе и характеръ радѣній хлыстовъ центральной Росіи“ (Мисс. Обзор., апр., июль—авг.). Главный интересъ этого очерка заключается не въ фактическихъ сообщеніяхъ автора о жизни и культѣ хлыстовщины, довольно обычныхъ въ произведеніяхъ этого рода, а въ его замѣчаніяхъ относительно внутренняго характера названной секты. По содержанію своего ученія и по формамъ культа послѣдняя, какъ извѣстно, представляетъ рѣзкую противоположность старообрядческому расколу, обычно распространяемую и на *психологію религиознаго чувства* послѣдователей той и другой формы русской внѣ-церковной религіозности. Различіе въ этомъ отношеніи представляется настолько существеннымъ, что для многихъ изслѣдователей хлыстовщины казалось совершенно невозможнымъ выводить эту, основывающуюся на мистическомъ экстазѣ свободныхъ вдохновеній, секту изъ условій той самой русской народной жизни, на почвѣ которой выросъ и развился букво-обрядовѣрный, всецѣло покоящійся на традиціи, старообрядческой расколъ. Между тѣмъ въ дѣйствительности такое различіе, быть можетъ, вовсе уже не столь несомнѣнно; по крайней мѣрѣ, оно значительно сглаживается указаніями, подобными тѣмъ, какія даетъ авторъ названной статьи. По его наблюденіямъ, хлыстовщина не менѣе старообрядчества живетъ традиціонными началами, разумѣется — своими собственными. Въ своемъ ученіи и бытѣ она „держится исключительно *преданіемъ*: сохраняетъ и оберегаетъ въ своей общинѣ тотъ смыслъ словъ св. писанія, который придали ему ея основатели, держится тѣхъ правилъ и того образа жизни, который тѣ показали и установили въ нихъ средѣ, и идетъ разъ указаннымъ и опредѣленнымъ для нихъ основателями путемъ“. Не менѣе свойственна этой мнимодуховной сектѣ и та грубая *материализація религиозныхъ представленій и чувствъ*, которой принадлежитъ столь видное мѣсто въ ряду условій русской жизни, подготовившихъ и поддерживающихъ въ народной массѣ старообрядческой расколъ. Она явно сказывается въ стремленіи послѣдователей хлыстовщины даже внутреннее откровеніе и дѣйствіе Божества въ человѣческомъ духѣ подчинить матеріальнымъ условіямъ и свести къ чисто-внѣшнимъ, тѣлесно ощущаемымъ выраженіямъ. „Стремленіе къ осязательному ощущенію Бо-

жества и Его дѣйствиі составляетъ основной пунктъ ихъ вѣроученія. Они остановились своимъ вниманіемъ въ догматикѣ христіанской на самыхъ трудныхъ вопросахъ—о томъ, что такое благодать, какъ она дѣйствуетъ и какимъ образомъ происходитъ вселеніе Христа въ человѣка, принятіе Духа Св. въ сердце и обожествленіе человѣка. Но матеріалистическій и грубый взглядъ на все обнаружился и тутъ въ овеществленіи благодати, въ пониманіи ея, какъ чего-то (тѣлесно) ошутимаго, радостнаго, веселаго, приподнятаго настроенія духа, необычнаго въ другое время“. Самыя средства, которыми достигается у хлыстовъ это состояніе духовнаго подъема, носятъ тотъ же самый грубо-матеріальный характеръ: это—ихъ извѣстныя „радѣнья“, гдѣ Духъ Св. низводится пѣніемъ стиховъ или неистовыми тѣлодвиженіями. и постъ, понимаемый какъ чисто-внѣшній подвигъ воздержанія въ теченіе нѣсколькихъ дней отъ пищи и питья, который самъ по себѣ, безъ молитвъ и покаяннаго настроенія, вселяетъ благодать въ душу хлыстовскаго постника. Указанныя черты, сближающія данную форму мистическаго сектантства съ обрядовѣрнымъ старообрядчествомъ, заслуживаютъ, на нашъ взглядъ, серьезнаго вниманія и при болѣе широко въясненіи на почвѣ историческихъ данныхъ могутъ пролить нѣкоторый свѣтъ какъ на самое возникновеніе хлыстовщины, такъ и на дальнѣйшее распространеніе ея въ народныхъ массахъ одновременно и параллельно съ старообрядческимъ расколомъ.—Любопытныя фактическія данныя относительно той же секты и ея современныхъ послѣдователей сообщаетъ статья проф. Ивановскаго: „Тамбовскіе хлысты“ (Мисс. Обзор., янв.). Это—отчетъ о разбиравшемся въ тамбовскомъ окружномъ судѣ, въ декабрѣ 1898 г., дѣлѣ бр. Колесниковыхъ (крестьянъ с. Перевозъ, Кирсановскаго уѣзда), съ подробнымъ изложеніемъ заключенія, даннаго на судѣ почтеннымъ авторомъ въ качествѣ эксперта. Какъ образецъ судебной экспертизы по дѣлу о хлыстовщинѣ, мы и считаемъ полезнымъ отмѣтить здѣсь названную статью.—Подробный пересказъ свѣдѣній изъ исторіи хлыстовщины въ XVII и XVIII вв., въ связи съ происхожденіемъ скопчества, даетъ начатая въ журналѣ „Судебныя драмы“ (янв.—апр.), но почему-то оставшаяся недоконченною, статья: „Скопчество на Руси“. Къ сожалѣнію, авторъ ея совсѣмъ не принялъ во вниманіе тѣхъ данныхъ,

относящихся къ ранней исторіи названной секты, которыя обнаружены за послѣдніе годы, и вообще игнорировать всю болѣе новую литературу своего предмета, избравши своимъ руководителемъ въ рѣшеніи вопроса о происхожденіи хлыстовщины наименѣе научнаго изъ всѣхъ прежнихъ изслѣдователей—Реутскаго съ его книгою: „Люди божьи и скопцы“ (М. 1872). Въ дальнѣйшемъ изложеніи такими руководителями служатъ для него Добротворскій и Мельниковъ, отъ которыхъ онъ, впрочемъ, выгодно отличается *отрицательнымъ* взглядомъ по вопросу о существованіи у хлыстовъ гнуснаго обряда причащенія тѣломъ и кровью „богородицы“ или рожденнаго ею „христосика“ (см. Суд. др., мартъ, стр. 232—246). Въ виду того, что разсмотрѣнное авторомъ слѣдственное дѣло 1745 г. представляетъ *единственный* и потому въ высшей степени важный оффиціальныи источникъ по данному вопросу, нельзя не привѣтствовать намѣреніе редакціи „Судебныхъ драмъ“, заявленное въ примѣчаніи къ разсматриваемой статьѣ, напечатать его полностью на страницахъ своего изданія.

Близкое сходство съ сектой хлыстовъ во многихъ сторонахъ своего ученія и культа представляетъ „малеванство“—новѣйшее видоизмѣненіе малеванщины, отмѣчаемое г. Потѣхинымъ въ статьѣ: „Мистическая шунда — Малеванныи и малеванные“ (Мисс. Обзор., октябрь—ноябрь). Не останавливаясь на сообщаемыхъ здѣсь весьма интересныхъ подробностяхъ, обрисовывающихъ новый фазисъ въ развитіи этого религіозно-мистическаго движенія съ ясно выраженнымъ характеромъ психопатической эпидеміи, считаемъ не излишнимъ привести здѣсь тѣ объясненія, которыя даны самими послѣдователями секты на вопросъ о причинахъ ихъ разобщенія съ господствующей церковью и полнаго разрыва съ всѣмъ прежнимъ порядкомъ ихъ жизни. Въ этихъ объясненіяхъ выступаетъ передъ нами рѣзко-выраженная черта социальна-экономической тяготы народной жизни, заставляющая народныя массы тревожно искать проблесковъ болѣе свѣтлаго будущаго. Малеванные покинули мѣста своего жительства и сдѣлались „бродягами новаго закона“ потому, что „для ихъ плоти не было возможности оставаться на прежнихъ мѣстахъ. Тамъ нельзя жить съ Богомъ и для Бога. Тамъ нужно работать отъ зари до зари, чтобы за день тяжелой работы заработать 15 копеекъ. Тамъ помѣщики за-

хватали поля, лѣса и озера, а бѣдному человѣку ничего не осталось. Тамъ нужно платить за все, что Богъ далъ для всѣхъ людей. Полиція и суды служатъ тамъ только богатымъ людямъ, чтобы имъ легче было охранять свое богатство, а бѣдному человѣку приходится идти въ тюрьму за полѣно, которое гниетъ безъ надобности въ помѣщицьемъ лѣсу. Духовенство тамъ также тянетъ руку за богатыхъ людей, и въ церкви то и слышишь, что нужно повиноваться властямъ, гнуть спину передъ сильными“. „О, настанетъ время, когда не будетъ нужды ни въ судахъ, ни въ полиціи,—когда все будетъ общее и братъ брату не будетъ говорить: это мое, а полиція не будетъ истязать и мучить бѣднаго, чтобы онъ снялъ съ себя рубаху и отдалъ богатому“. Въ этихъ словахъ живо чувствуется вопль изстрадавшейся народной души, ищущей свѣта и правды въ жизни, и невольно возбуждается сомнѣніе въ дѣйствительности тѣхъ *принудительныхъ* мѣръ, какія рекомендуются авторомъ статьи, какъ надежныя средства „лечения этихъ больныхъ“ (см. М. Об., ноябрь, стр. 507—8).

Изъ статей, касающихся раціоналистическаго сектантства, имѣетъ живой практической интересъ обстоятельно составленная замѣтка г. Н. Бѣлогорскаго: „Почему южно-русскій штундизмъ нельзя признать одною сектою съ баптизмомъ?“ (Мисс. Обзор., ноябрь). Отождествленіе двухъ названныхъ сектъ представляетъ довольно обычное явленіе въ судебной практикѣ послѣднихъ лѣтъ при разсмотрѣніи дѣлъ по обвиненію штундистовъ въ нарушеніи закона 4 іюля 1894 г., воспрещающаго имъ устроеніе общественныхъ молитвенныхъ собраній. Подмѣна названія имѣетъ то значеніе въ данномъ случаѣ, что ставить послѣдователей штунды подъ защиту закона 1879 г., предоставившаго нѣмецкому баптизму въ предѣлахъ русской имперіи широкія права, какими не пользуется ни одна изъ русскихъ дозволенныхъ сектъ. Такъ, положеніемъ 1879 года нѣмецкимъ колонистамъ баптистическаго вѣроисповѣданія предоставлено строить особые молитвенные дома, избирать проповѣдниковъ — пресвитеровъ, которыхъ утверждаетъ въ ихъ должности губернаторъ или градоначальники, свободно открывать общинныя богомоленія и совершать всякія требы, издавать на русскомъ языкѣ богослужебныя книги. Болѣе того, однимъ изъ кассацион-

ныхъ рѣшеніи Правительствующаго Сената баптизмъ признанъ даже (по отвѣтственности виновныхъ въ совращеніи) наравнѣ съ инославными исповѣданіями, т. е. католическою и лютеранскою церковью. Для интересовъ православной противосектантской миссіи является, поэтому, весьма важнымъ вопросъ, насколько основательны притязанія штундистовъ на отождествленіе себя съ послѣдователями нѣмецкаго баптизма, и есть ли между ученіемъ тѣхъ и другихъ дѣйствительное тождество, или же только нѣкоторое сходство? Авторъ вышеназванной замѣтки идетъ къ разрѣшенію этого вопроса путемъ тщательнаго сличенія ученія южно-русскихъ штундистовъ (по даннымъ, раскрытымъ, при участіи экспертизы, въ многочисленныхъ судебныхъ процессахъ послѣднихъ лѣтъ) съ ученіемъ нѣмецкихъ баптистовъ (по изложенію ихъ катихизиса), и въ особенности — въ тѣхъ пунктахъ (признаніе воднаго крещенія и совершеніе на собраніяхъ преломленія хлѣба), на которые преимущественно напирають штундисты въ доказательство утверждаемаго ими тождества ихъ секты съ баптизмомъ. Общій выводъ изслѣдованія тотъ, что названныя секты „далеко не тождественны между собою, но весьма рѣзко и существенно отличаются одна отъ другой во многихъ отношеніяхъ. Существованіе у штундистовъ такихъ внѣшнихъ обрядовъ, хотя и выдаваемыхъ ими за таинство, какъ водное крещеніе и преломленіе хлѣбовъ, при разности догматическаго значенія, не могутъ служить еще достаточнымъ основаніемъ для полнаго отождествленія съ баптизмомъ. Если же принять во вниманіе особенности въ богослуженіи и церковномъ устройствѣ баптистовъ, отличающіяся отъ богослуженія и строя штундистовъ, то различіе между ними выступить еще съ большею ясностію“. Едва-ли можно отрицать практическую важность такого вывода, при предъявленіи его судебной власти въ качествѣ результата научной экспертизы; но не можемъ не согласиться съ мнѣніемъ другого автора, признающаго болѣе надежнымъ путемъ къ устраненію возможности обхода сектантами закона 1894 года оффиціальное разъясненіе со стороны надлежащей власти, что „имя баптизма признается русскимъ законодательствомъ только за послѣдователями нѣмецкой протестантской баптистической секты, которые по происхожденію своему не русскіе, не родились въ православіи и
— не были въ православной вѣрѣ, — что русскіе по

происхожденію, равнымъ образомъ и не русскіе принявшіе православіе, отступивъ отъ него, не пользуются правомъ устройства общественныхъ молитвенныхъ собраній по обрядамъ новой ихъ вѣры, а согласно русскимъ законамъ за отпаденіе отъ вѣры православной преслѣдуются по 36, 38, 39, 57 и 59 ст. о пред. и прес. прест. отпаденія отъ вѣры и по 187 и 196 ст. уст. о наказ.“ (см. ст. М. Кальнева: „Религіозный маскарадъ штундистовъ“, — Мисс. Сборн. за 1900 г., кн. 6, стр. 492).

Въ заключеніе представленнаго нами обзора прошлагодной журнальной литературы по расколу и сектантству, позволяемъ себѣ остановить на минуту вниманіе читателей еще на одномъ произведеніи, относящемся собственно къ исторіи самой науки расколовѣдѣнія. Разумѣемъ пространную статью г. В. Добромыслова: „Макарій Булгаковъ, митрополитъ московскій, какъ расколовѣдъ“ (Мисс. Сборн., кн. 3—6). Статья эта далеко не закончена въ истекшемъ году, и мы, вѣроятно, еще будемъ имѣть случай возвратиться къ ней впослѣдствіи. Но не считаемъ несвоевременнымъ и теперь отмѣтить нѣсколько своеобразные приемы писательства г. Добромыслова. По этимъ приемамъ онъ скорѣе напоминаетъ какого-нибудь древне-русскаго книжника, усердно, „яко пчела“, списывавшаго готовыя добрыя словеса, мало задаваясь мыслью объ умѣстности ихъ въ данномъ случаѣ, чѣмъ современнаго автора, знакомаго съ приемами литературнаго изложенія и съ правилами цитаціи чужихъ мыслей и словъ. Достаточно ему затронуть мимоходомъ какой-нибудь частный вопросъ, уже давно и достаточно разработанный въ существующей литературѣ, чтобы пуститься по этому поводу въ совершенно излишнее и ненужное для его цѣлей „изслѣдованіе“. При этомъ онъ цѣлыми страницами подъ — рядъ списываетъ съ буквальной точностью изъ чужихъ книгъ и статей, забывая огородить свои заимствованія кавычками или сдѣлать соотвѣтствующее указаніе подъ строкой (ср., напр., стр. 514—16 и 511 статьи г. Добромыслова въ 6 кн. Мисс. Сборника съ стр. 33—37 и 259 нашей статьи „О сущности и причинахъ русскаго раскола т. н. старообрядчества“ въ апр. и майск. кн. Богосл. Вѣстн. за 1895 г.). Даже какъ-то неловко становится за автора, когда видишь передъ собою подобный ученый „трудъ“...

И. Громогласовъ.